

Ирония перевода: *Le Procureur de Judée* Анатоля Франса в русских изданиях

Цикл новелл А. Франса «Перламутровый ларец» (*L'Étui de nacre*) имеет две авторские версии – раннюю, 1892 г., включающую 15 новелл, и позднюю, 1923 г., состоящую из 16 текстов. «Прокуратор Иудеи», написанный и впервые опубликованный в 1891 г., был включен в «Перламутровый ларец» в 1892 г. в качестве первого текста. Он занимает, таким образом, сильную позицию, задавая тон всему циклу и предвосхищая его центральные темы: взаимоотношения личности и государства, значения и значимости социальных потрясений для современников и потомков, любви и религии. При этом Франс продолжает работу над текстом и после формирования цикла: редакция 1923 г. демонстрирует изменения, свидетельствующие о неиссякаемом интересе автора к теме.

Для русской культуры «Прокуратор Иудеи» тоже оказался значимым. Перевод всего цикла был осуществлен фактически дважды. Впервые он был выполнен Ю. Бромлей в 1907 г., затем в 1929 г. этот перевод под редакцией Б. Лившица был использован как основа для публикации сборника в Полном собрании сочинений. Лившиц учел некоторые изменения, внесенные Франсом во вторую редакцию сборника, но не выполнил перевод рассказа «Обыск». Второй перевод сборника, вошедший в новое Собрание сочинений, относится к 1958 г. и выполнен двумя переводчиками – Н.Г. Яковлевой и Я.З. Лесюком. При этом отдельные новеллы цикла переводились чаще и выходили в разных изданиях, как самостоятельно, так и в сборниках с другими произведениями.

Самой большой популярностью пользовались две новеллы: «Прокуратор Иудеи» и «Жонглер Богоматери» – они были переведены на русский язык по шестнадцать раз. Среди переводчиков «Прокуратора Иудеи» – З.А. Венгерова (1906), А.К. и Е.К. Герцык (1906), В.Ф. Корш (1909), М.В. Линд (1936), Н.Г. Яковлева (1858), Э.Л. Линецкая (1959). Пик популярности пришелся на начало XX века, с 1901 по 1912 гг.: в это десятилетие вышло десять различных переводов.

Остается только догадываться о причинах такой популярности. Безусловно, русская, а впоследствии и советская рецепция Франса в целом очень положительна. Тем не менее, именно «Прокуратор Иудеи» оказывается более востребованным, чем большинство новелл цикла. Возможно, причина как в тематике, так и в структуре произведения. Эффект остранения, используемый Франсом для описания жизни Понтия Пилата, не мог не привлечь литераторов начала века. Вместе с тем ироническая,

неоднозначная авторская позиция давала простор для интерпретаций и позволяла публиковать текст как в рамках христианской, так и атеистической традиции.

При таком количестве переводов закономерно встает вопрос об их качестве. Необходимо отметить, что большинство переводов весьма похожи и не демонстрируют какого-либо принципиального различия. Неточности, которые в них встречаются, имеют частный характер и редко отражают принципиальную позицию переводчика. Если систематизировать неточности переводов, можно выделить три основные группы:

1. Перевод реалий. Текст Франса насыщен реалиями, позволяющими создавать колорит эпохи. При этом реалии упоминаются в тексте без каких-либо авторских комментариев, т.к. отражают точку зрения персонажей, для которых являются привычными. Очевидно, их восприятие требует от читателя определенной эрудиции: «L. Ælius Lamia, né en Italie de parents illustres, n'avait pas encore quitté la robe prétexte, quand il alla étudier la philosophie aux écoles d'Athènes» [1, с. 3]. При дословном переводе читатель может не понять значение слова «претекста»: «Л. Элий Ламия, родившийся в Италии от знатных родителей, еще не оставил одежду претекста, когда он отправился изучать философию в афинских школах» [2, с. 70]. Попытка же переводчика включить в текст комментарий разрушает художественный эффект: «...еще носил белую с пурпуром одежду юноши-патриция...» [3, с. 47]. Встречаются и комические случаи, когда переводчик пытается «дописать» рассказ за Франса: «Люций Элий Ламия происходил из знатного итальянского рода» [4, с. 67].

2. Передача точки зрения является принципиально важной для рассказа, большая часть которого представляет собой речь персонажей, прежде всего Понтия Пилата, который выражает точку зрения человека, уверенного в собственной правоте, в универсальности своего подхода. Результатом этого становится ирония, возникающая из большего по сравнению с героем знания автора и читателя: «qu'un héros éponyme, ou plutôt un dieu indigène, nommé Moïse, y avait cachés, aux temps antiques d'Évandre et d'Énée, notre père» [1, с. 9] – «...укрытые там еще во времена Эвандра и Энея, нашего праотца, каким-то иудейским героем, архонтом, вернее, каким-то древним богом, по имени Моисей» [5, с. 659]. Смена порядка слов нивелирует присутствующий в оригинале эффект противопоставления в глазах Пилата Моисея и Энея. Аналогичный пример наблюдаем при переводе сцены изгнания торговцев из храма: «On 'avertit même, un jour, qu'un furieux venait de renverser avec leurs cages ces vendeurs d'offrandes» [1, с. 20]. – «Мне как-то рассказывали, что один фанатик их племени побросал наземь все клетки и прилавки и выгнал торгашей из храма» [6, с. 3]. Использование оценочного слова «торгаши», не

согласуется с точкой зрения Пилата, не видевшего в торговле жертвами ничего дурного. Характерно, что в случаях неполного перевода эта сцена опускается чаще всего.

3. Переводческая интерпретация. Ирония в рассказе воплощена не только словесно, но и в самом сюжете. С точки зрения композиции рассказ строится как обширная и неторопливая экспозиция к неожиданному повороту, служащему финалом. В связи с этим последний эпизод рассказа является особенно значимым и тщательно выверенным с точки зрения языка. Неточность перевода здесь может привести к изменению интерпретации всего произведения: «Il se faisait appeler Jésus le Nazaréen, et il fut mis en croix pour je ne sais quel crime. Pontius, te souvient-il de cet homme? <...> Puis, après quelques instants de silence: – Jésus? murmura-t-il, Jésus le Nazaréen? Je ne me rapeller pas» [1, с. 27]. Позиция беспристрастного наблюдателя не позволяет сделать однозначного вывода о том, было ли правдивым или неискренним заявление Пилата о том, что он не помнит человека по имени Иисус. Видимо, для Франса подобная двойственность интерпретации является принципиальной, и смещение акцента в переводе противоречит авторской интенции. Переводы же зачастую акцентируют тот или иной вывод: «Звали его Иисус Назарянин. Потом за какое-то преступление его распяли на кресте. Понтий, помнишь ты этого человека? <...> После нескольких секунд молчания он произнес: – Иисус? Иисус Назарянин? Нет, что-то не помню» [7, с. 214]. Ср.: «Помнишь ты Его, Понтий? <...> Потом, после нескольких минут молчания: – Иисус, прошептал он: – Иисус из Назарета? Не помню» [3, с. 67].

Необходимо констатировать, что из шестнадцати проанализированных переводов ни одному не удалось избежать тех или иных неточностей. Все они приводят к разрушению системы точек зрения оригинала и ослабляют иронию – один из стилеобразующих принципов А. Франса.

Литература

1. France A. L'Étui de nacre. Édition revue et corrigée par l'auteur. Paris, 1923.
2. Франс А. Прокуратор Иудеи // Франс А. Новеллы. Пг., 1915.
3. Франс А. Правитель Иудеи / Пер. В. Горленко // Франс А. Признания скептика и рассказы. СПб., 1903.
4. Франс А. Правитель Иудеи / Пер. Е.А. Ляцкого // Франс А. Рассказы. СПб., 1909.
5. Франс А. Прокуратор Иудеи / Пер. Н.Г. Яковлевой // Франс А. СС: В 8 тт. М., 1958. Т. 2.
6. Франс А. Прокуратор Иудеи / Пер. З.А. Венгеровой. СПб., 1906.
7. Франс А. Прокуратор Иудеи / Пер. Э. Линецкой // Франс А. Избранные рассказы. Л., 1959.